

Фадей Кузьмин писал, что «бывший свекор» его дочери «иеромонах Климент... в опасное время в Астрахани умре» (от чумы, — В. С.), что в 1728 году «умре» и его дочь Федосья, не возвратив взятого ею при жизни денежного долга. Между тем «в наследстве сада осталась реченного зятя ево сестра родная Мария Кирилова, которая по многократному прошению» его «взятых дочерью на развод того сада денег и поныне не отдает»,²⁵ жаловался он и просил губернатора «о том указ учинить».²⁶

Рассмотрев челобитную, губернатор оставил «помету»: «... вышеозначенную Маршию Кирилову сыскать и допросить по Указу, а свыше объявленной духовной, освидетельствовав, к сему прошению взяти копию».²⁷

30 марта 1729 года Мария Кирилова, сестра Тредиаковского, была «сыскана и допрошена» в канцелярии губернатора. «На допросе она сказала»,²⁸ что «не ведает» ни о том, что ее отец, бывший иеромонах Климент, дал снохе «огородное место на развод саду»,²⁹ ни о дарственном «письме» на землю, ни о займе денег снохой у Кузьмина. Мария Кирилова утверждала, что земельный участок, которым владела покойная ее сноха Федосья, не был «пустым огородным местом», что на этом месте «разведен отцом ее сад издавних лет».³⁰ «Ответчица» заявила губернатору, что она не считает себя наследницей имущества покойной снохи. Не осведомленная о местонахождении брата Василия Тредиаковского, находившегося в ту пору в Париже, она сказала: «... имеется у ней брат родной, а ево челобитчиковой дочери муж Василий Кирилов, который ныне имеется в Санкт Питербурхе вживе»,³¹ что «заемных» денег «платить ей... не надлежит понеже она... живет в отделе своим двором да и платить ей оных денег за недостатком своим нечем».³²

Защищая свое право наследия на имущество умершей дочери, Фадей Кузьмин выставил свидетелей — комисара Давыда Воронина да посадского человека Наума Панфилова». Тот и другой подтвердили, что все постройки, имеющиеся на огороде, возведены Федосьей Фадеевой, что она же «яблони и прочие деревья разводила», что до того на «огороде посажено было молодых сливных (сливовых, — В. С.) деревьев малое число».³³

Вслед за тем Фадей Кузьмин предъявил «духовную» покойной дочери. В «духовной» «за руками Рождественской церкви священников Петра Никифорова да Никиты Петрова» написано: «... в 1728 году марта 18 дня Астраханской губернской канцелярии сторожа Фадея Кузьмина ево родная дочь Федосья Фадеева на исповеди объявила отцу своему духовному церкви Рождества богородицы священнику Петру Никифорову: имеет де она за собой долгу сто один рубль сполтиною, которые занела она на разводку на данном пустом свекра своего иеромонаха Климента земле огородных деревьев и ежели бог попустит ея то шлет, чтоб свекру ея Клименту отцу ея родному Фадею Кузьмину заплатить для того, что по отъезде мужа своего Василья Кирилова пропитание от него свекра ничего чрез пять лет не имела, а приданое свое платье, бородок земчужный, ленту низону земчужом, монисту серебряную с двумя крестами, четыре аршина тафты, юбку луданную, ширинку иконовязную, две книги на латинском языке продала на разводку огорода и ежели муж ее прибудет, чтоб на отце ея Фадее Кузьмине не взыскивать».³⁴

²⁵ Там же, л. 165.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, ед. хр. 150, л. 179.

²⁸ Там же, ед. хр. 166, л. 165.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же, л. 167.

³⁴ Там же.